

Губернатор Цычжоу преклонил колено:

— Ваше Величество обладает беспредельным благословением небес! Жители Цычжоу днями и ночами ждут завершения строительства, и тракт уже почти готов!

Чжао Фу с улыбкой поднял руку и произнес мягким голосом:

— В таком случае достройте его.

— Слушаюсь!

Спустя один шичень утренняя аудиенция завершилась, и чиновники стали покидать дворец.

Тан Шэнь поднял голову и невольно бросил взгляд в сторону высших сановников первого и второго рангов. Ван Чжэнь как раз разговаривал с левым заместителем министра финансов Сюй Линхоу. Сюй Линхоу время от времени с удивлением поглядывал на Ван Чжэня и непрестанно кивал. Вскоре из дворца вышел главный евнух Цзи Фу и сказал Ван Чжэню несколько слов.

Ван Чжэнь ненадолго замер, а затем последовал за Цзи Фу обратно.

В конце первого месяца управляющий Лу и счетовод Линь отправились на север и пробыли там полмесяца.

Тан Шэнь, будучи секретарем дворцовой канцелярии, каждый день просматривал доклады, присылаемые чиновниками отовсюду, и время от времени участвовал в составлении императорских указов.

Императорские указы, разумеется, правитель не писал собственной рукой. За исключением покаянных манифестов и ежегодных молитвенных текстов для жертвоприношений Небу, в остальное время, стоило Императору высказать свою волю, евнухам поручалось зачитать устное повеление во Дворце Циньчжэн. Затем секретари дворцовой канцелярии составляли проект указа и отправляли его во Дворец Чуйгун. Там Его Величество просматривал документ и прикладывал к нему императорскую печать.

В самом начале 29-го года Кайпин в поднебесной царил мир, а по всем девяти провинциям установилась благоприятная погода.

К середине второго месяца счетовод Линь вернулся в Шэнцзин.

Счетовод Линь проговорил:

— Что касается дел в Нинчжоу, то благодаря письму младшего хозяина и помощи господина Ван Сяо все прошло как по маслу. Нинчжоу — главное место торговли между Великой Сун и Государством Ляо. Ляосцы любят всякие диковинки вроде шелка, чая или прозрачного стекла, которое мы привезли в этот раз. Насчет торговцев из Ляо младший хозяин может быть совершенно спокоен.

Тан Шэнь кивнул и уже собирался ответить, как вдруг стоящая неподалеку девушка в мужском платье заметила:

— Если ехать по Тракту Нинчжоу, до Шэнцзина можно добраться за день. Но если везти крупную партию товаров, быстро передвигаться не получится — скорее всего, потребуется дня

два.

Услышав это, Тан Шэнь усмехнулся:

— Я ведь до тебя еще не добрался. Зачем ты снова увязалась в Нинчжоу, да еще и вырядилась подобным образом?

Тан Хуан широко распахнула глаза:

— А... а что такого в моей одежде! Брат, ты разве не читал в книгах? В прежние династии полно было женщин, любивших мужской наряд! Они часто носили мужские платья и ездили в пригороды кататься на лошадях! Пусть в нашей династии такое встречается реже, но в Тереме Сися я каждый день вижу парочку таких. К тому же... — голос ее стал тише, — к тому же, пока я ездила в Нинчжоу в мужском платье, никто по дороге так ничего и не заметил.

Тан Шэнь от этого лишь рассмеялся.

«Нашла чем гордиться — тем, что никто не распознал в тебе девчонку?»

Тан Шэнь внимательно оглядел сестру и приблизительно понял, почему ее мужской наряд ни у кого не вызвал подозрений. Тан Хуан с малых лет росла в деревне, работала не покладая рук, обвеваемая ветрами и палимая солнцем, так что ее кожа изначально не отличалась такой нежностью, как у знатных барышень. К тому же она с детства хорошо питалась — Тан Шэнь и тётушка Яо никогда не ограничивали ее в еде, — поэтому она выросла крепкой и была на полголовы выше обычных девушек.

Надев мужское платье, такая девица действительно вряд ли выдала бы свое настоящее происхождение.

— Для начала скажи, почему ты снова отправилась в Нинчжоу? — спросил Тан Шэнь.

Тан Хуан тут же понурила голову и тихо пробормотала:

— Это же была моя идея, неужели мне нельзя даже съездить в Нинчжоу?..

Тан Шэнь пристально посмотрел на нее.

Сердце Тан Хуан забилося быстрее. Но едва она подумала, что брат начнет ругать ее и запретит выходить со двора, как Тан Шэнь усмехнулся:

— Разве я говорил, что тебе нельзя выходить из дома? Я лишь твержу, что нельзя ходить одной. Вдали от дома нужно соблюдать осторожность. В Нинчжоу собирается полно народа из Ляо, если там случится беда, никто тебя не защитит.

— Я знаю! Брат — самый лучший!

Тан Шэнь поговорил еще немного со счетоводом Линем, после чего тот отнялся и ушел. Когда семья поужинала, Тан Шэнь позвал Тан Хуан к себе в кабинет. К этому времени она уже переоделась в женское платье. В мужском наряде она выглядела статной и привлекательной, а в женском от нее веяло юным задором и смелостью. Тан Шэнь так пристально разглядывал сестру, что та растерялась, а по коже у нее побежали мурашки.

— Раньше старшая тетушка говорила мне, что скоро тебе исполнится пятнадцать, и пора бы уже подобрать тебе жениха, — произнес Тан Шэнь.

Тан Хуан молчала:

— ...

— Что ты сама об этом думаешь?

— Я пока не хочу выходить замуж!

— Хорошо, пусть будет так, — согласился Тан Шэнь.

Тан Хуан заготовила целую кучу доводов, но, услышав столь неожиданный ответ, совершенно опешила:

— Брат, ты... позволяешь мне не выходить замуж?

Тан Шэнь приподнял бровь:

— Ты ведь сказала, что пока не хочешь. Или собираешься вовсе замуж не выходить?

Тан Хуан хихикнула:

— Ну что ты, я просто сейчас не хочу.

— Как знаешь. В семье Тан найдутся средства, чтобы тебя прокормить.

Тан Хуан обомлела. Глядя на Тан Шэня, она вдруг поймала себя на странной мысли: если бы она прямо сейчас заявила, что вообще никогда в жизни не выйдет замуж, брат, возможно, тоже согласился бы. Хотя это и противоречило бы всем приличиям, Тан Шэнь точно не стал бы заставлять ее делать то, что ей не по душе.

Без всяких причин — она просто была в этом уверена.

Спустя долгое время четырнадцатилетняя девушка тихо произнесла:

— Брат, когда я входила, тётушка Яо сказала, что тушит для тебя суп из свиных ножек. Хочешь, я принесу?

Тан Шэнь с удивлением посмотрел на сестру.

«С каких это пор она стала такой заботливой?»

— Хорошо, — ответил Тан Шэнь.

Тан Хуан радостно выбежала из кабинета.

На самом деле, даже если бы Тан Хуан не отказалась, Тан Шэнь и не думал выдавать ее замуж до восемнадцати лет.

Замужество в пятнадцать лет — это просто противоестественно!

Он даже представить себе не мог пятнадцатилетнюю Тан Хуан с большим животом. У такой юной матери организм еще толком не сформировался, и если вынашивать и рожать ребенка в этом возрасте, это грозит не только тяжелыми родами, но и нанесет огромный вред здоровью. Низкая средняя продолжительность жизни женщин в древности — ранние браки и

деторождение были одной из главных причин этого!

Если бы Тан Хуан сама стремилась к замужеству, Тан Шэнь мог бы придержать ее до шестнадцати лет. Шестнадцать — его абсолютный предел.

В Великой Сун восемнадцатилетние невесты встречались не так уж часто, но и редкостью не были. Разве что могли поползти слухи. Однако сплетни способны сломить лишь слабого человека. Тан Шэнь верил, что сможет защитить сестру и не позволит той самой девчужке, которая когда-то со слезами на глазах обещала отдать свое приданое, лишь бы брат учился, выскочить замуж за первого встречного незнакомца с неизвестным прошлым.

В конце второго месяца Тан Юнь отправился на север на корабле и по Великому каналу прибыл в Шэнцзин.

Яо Сань встретил его и привел в Поместье Таньхуа.

Тан Шэнь впервые встретился с Тан Юнем в управе Гусу, в своем скромном и простом дворе. Тогда Тан Юнь впал в ярость и разгромил все во дворе, а затем они заключили пари: сможет ли Тан Шэнь сдать начальный экзамен в следующем году.

С тех пор прошло четыре года, и мир вокруг изменился до неузнаваемости.

Тан Юнь уже женился и отпустил небольшие усики. В прошлом году он с трудом сдал экзамен на звание сюэя, но испытывавшие экзаменаторы его отсеяли, поэтому пока у него не было права участвовать в провинциальном экзамене. Увидев Тан Шэня, Тан Юнь поневоле проявил робость.

Тан Шэнь заметил смущение Тан Юня, но теперь, естественно, не собирался вымещать на нем злость. Если скрупулезно считаться с подобными мелочами, то от ежедневной службы при дворе можно было бы сойти с ума.

Тан Шэнь первым заговорил:

— Старший двоюродный брат, как там дела в Гусу и Цзиньлине?

Услышав, что Тан Шэнь называет его старшим двоюродным братом, Тан Юнь немного перевел дух и ответил:

— Как вы и говорили, сразу после праздников в прошлом месяце мы с отцом отправились в Цзиньлин на переговоры с Семей Чжэн по поводу доставки товаров. У нас и прежде были торговые связи с Семей Чжэн, так что они быстро согласились. Вот только доставка грузов по Великому каналу в Шэнцзин займет как минимум семь дней. Чем больше товара везти, тем ниже себестоимость. Однако, Тан... Тан Шэнь, вы уверены, что понадобится столько товара и его удастся распродать?

— Можешь не беспокоиться, — ответил Тан Шэнь.

Пробыв в Шэнцзине два дня, Тан Юнь попрощался и вернулся в управу Гусу.

Дела на севере находились под присмотром управляющего Лу и счетовода Линя, а дела на юге полностью взяла на себя семья Тан. Тан Шэнь пришел в кабинет, расстелил лист белоснежной рисовой бумаги, глубоко вдохнул и вывел три крупных иероглифа:

«Павильон Байбао»

Закончив, он остался недоволен, смял бумагу в комок и написал еще несколько раз.

Испортив семь или восемь листов, Тан Шэнь отложил кисть, решив закончить надпись позже.

На следующий день, едва Тан Шэнь вышел после утренней аудиенции, его неожиданно окликнул главный евнух Цзи Фу.

Тан Шэнь внутри обомлел, однако перед Цзи Фу он изобразил глубокое почтение и слегка поклонился:

— Евнух Цзи.

<http://bllate.org/book/18292/1754569>